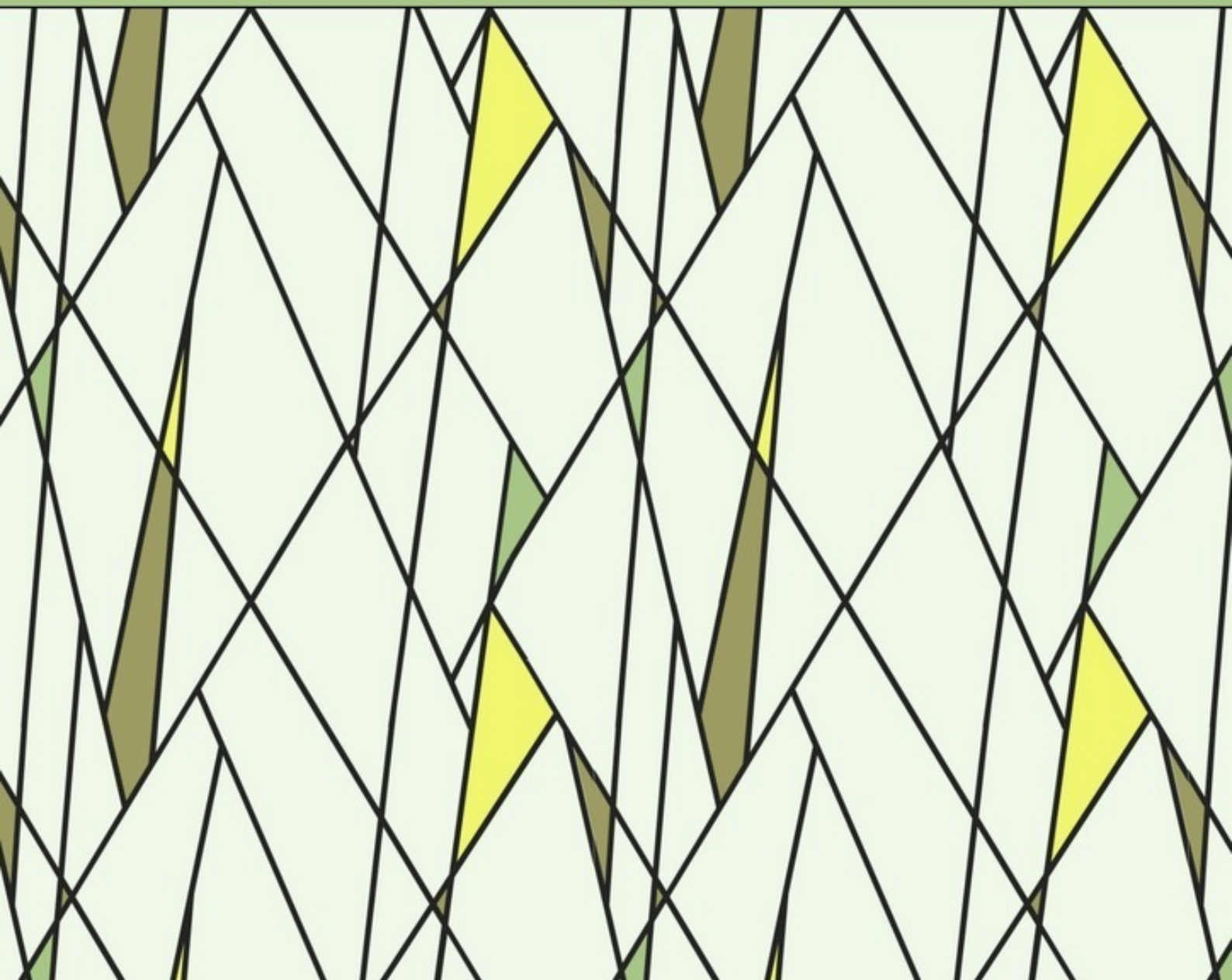

Виктор Струков

*ТАМБОВСКИЕ
ПОВЕСТИ*

Виктор Струков
Тамбовские повести

«Издательские решения»

Струков В. Н.

Тамбовские повести / В. Н. Струков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900795-7

Тамбовские повести — сборник рассказов и повесть «Дед Ёшка» — правдивый художественный рассказ о жизни новомученика Российского, пока не канонизированного РПЦ. Повесть затрагивает волнующие моменты подавления Тамбовского восстания в эпоху гражданской войны.

ISBN 978-5-44-900795-7

© Струков В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Дед Ёшка	6
От автора	6
I	8
II	11
III	12
IV	13
V	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тамбовские повести

Виктор Николаевич Струков

© Виктор Николаевич Струков, 2017

ISBN 978-5-4490-0795-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дед Ёшка (ПОВЕСТЬ)

Российским новомученикам посвящается

От автора

История жизни мученика за веру, изложенная здесь в художественной форме, не содержит в себе ни капли вымысла; все описанные события существовали реально и в своё время потрясли очевидцев.

О блаженном мученике Ёшке (Иосифе) очень много говорили в моём родном селе Туголуково. Я сам часто слышал о дедѣ Ёшке от моей бабушки. Многие эпизоды жизни мученика написаны с её слов. Много рассказывали отец, тѣтя, пожилые жители нашего некогда цветущего села.

Имя Ёшка в нашем селении было единственное. Рассказывали, что дед блаженного подвижника был участником освобождения болгарского народа от турецкого ига, и перед смертью наказал сыну назвать внука в честь погибшего друга-болгарина Ёсика.

От «природы» Ёшка был двухметрового роста, богатырского телосложения. Зимой и летом он ходил босым в одном и том же одеянии: домотканых штанах, такой же рубахе подпоясанной бечевой «по-крестьянски». За плечами он носил тощую суму. По рассказам отца я помню его портрет: у него было чуть-чуть вытянутое лицо, голубые с серым отливом, внимательные, добрые глаза, прямой с еле заметной горбинкой нос, густые, выщипанные волосы, нетронутая седина, несмотря на преклонный возраст, большая («лопатай») темно-русая борода.

Его молитва и утешительное слово помогали людям жить, растить урожай, воспитывать детей, быть трудолюбивыми и честными.

Иногда дед Ёшка ходил во Святую Землю и приносил оттуда благословенные кресты, которые раздавал сельчанам ведущим особо добродетельную жизнь. Считалось большой радостью принять чудного боголюбца у себя в доме, и не многие удостоивались такой чести.

Деда Ёшку хорошо знали по округам. И когда он приводил на рынок две порожние телеги прося милостыни, они тут же наполнялись съестными припасами, различными предметами хозяйственной утвари... Вернувшись в село, он всё без остатка раздавал сыром и вдовицам, увечным и нищим...

Имя его было хорошо известно, но из какого рода происходил дед Ёшка, никто не знал. Одни говорили – Саютины, другие – Сабуровых...

О дедѣ Ёшке в Туголуково, часто говорили пожилые люди нашего села. Рассказывали, что он много странствовал по близлежащим губерниям, украшая свой путь подвигами бескорыстной любви к людям. Его знали и любили священники: дарили ему кресты. Благословенные дарения совершались в Липецке, Ельце, Урюпинске, Тамбове, Воронеже, Борисоглебске...

Общий вес крестов, которые он никогда не снимал с себя, составлял полпуда.

Его тщанием, собиранием пожертвований, изнурительным трудом на строительстве была воздвигнута церковь в нашем селе.

Свидетельствовали так же, что у деда Ёшки открылся дар исцеления и многие получили от него разрешение своих болезней.

Когда жестоко подавлялось Антоновское (Тамбовское) восстание, дед Ёшка, по-видимому, ходил в Святую Землю. Вернулся он зимой, в лютой мороз и увидел, что карательный

отряд монгол-красноармейцев, занявший Туголуково, превратил сельский храм в конюшню для своих лошадей...

Повесть о блаженном страдальце за нашу Православную веру была написана мною со слов и по воспоминаниям непосредственных свидетелей большевистского террора проводимого на Тамбовщине; имена её подлинных героев, названия селений и мест сохранены без изменений.

Автор повести был бы благодарен православному читателю за молитву о нём самом и за доброе слово о его скромном труде, которым он от всего сердца хотел послужить великому делу спасения русского народа...

ВИКТОР СТРУКОВ

г. Тверь. 1996—1999 г. г.

I

Когда родился Ёшка, сколько ему лет, точно никто не знал, даже соседи.

Старики, помнившие его отца, говаривали: отец Ёшки был мужчиною огромного роста, непомерно широкоплечим, ходившим с ранней весны и, как выпадет снег, босиком, легко одетым. Сосед, живший рядом, рассказывал, как он, зимой убирая во дворе скотину, был налегке одет и бос. Был очень набожен. Идя в церковь надевал, если было очень холодно, а на дорогах скапливалось много снега, добротный полушубок, чёсанки сорок шестого размера, занимавшие полдороги; на голову баранью шапку, лохматую и огромного размера, и чинно шествовал, молча отвешивая встречным поклоны, если они того заслуживали.

Не заходя в церковь, снимал валенки, шапку. В храме становился на колени, шепча молитвы и кладя поклоны, осеняя себя крестным знамением.

Отмолвившись, выходил из церкви, надевал валенки, шапку и шел домой, блаженно улыбаясь. Смотрел на зимнее, всё в облаках небо, иногда крестясь и радуясь ему одному известной, тихой радостью.

Жена его, взятая из деревни Сабурово, была под стать ему: большого роста, сильная, очень красивая, женственная, гостеприимная, смиренная и хлопотливая хозяйка. Жили они добротно: было что одеть, обусть, хорошо поесть, а к великим Господним и Богородичным праздникам водился гранёный графинчик с известным содержимым. Хорошая крыша над головой, живность стоит в сараях убранная, сытая. Что ещё надо русскому человеку? А надобен был наследник – продолжатель рода. Каждый рачитый хозяин имел желание иметь первенцем сына.

И вот в одно прекрасное время, летом, где-то близ полдня, через санный порог переполз, уверено и смело младенец месяцев пяти-шести и прямиком, толчками, на четвереньках, шустро пополз к проезжей дороге. Из избы, в догонку, ревниво бросилась, с взлохмаченными волосами, мать, подняла беглеца и, прижав любовно к груди, поспешила назад, прикрыв младенца фартуком от постороннего, «дурного глаза». Как бы не позавидовал кто? Не приведи Бог! И торопливо ушла в избу. Соседка, несшая помой телку, привязанному напротив избы, видевшая всё это, от удивления выронила из рук ведро, широко раскрыв глаза. Опрометью бросилась назад, в избу, понадёжней усевшись на скамью, возле стола, громко, стараясь ощутить реальность увиденного, сказала, хотя в избе в этот жаркий летний день никого не было: «Дык, когда жа ана, ета, радила та? И с брюхом иё никто ни видал и салёныва не испытрябляла! Вот те раз!» Долго сидела соседка, переваривая увиденное.

Первенец был назван Ёшкой, по желанию прадеда, человека не дюжей силы, великого труженика, и воина петровских времен.

С пелёнок, как две капли воды похожий на батю, рос Ёшка молчуном, светловолосым, с насупленными темноватыми бровями.

– Батя, вылитый батя! Ножонка и та похожа на батину, такая же широкая, толстая... А ладони, а носик, а губки, а глазки! – рассматривая сына и играя с ним, ласково говорила мать.

Есть особая порода людей: сорт небывалый, крепкий, незнающий, что такое болезнь, недомогание, простуда или физическая усталость. Ни единой боли, кроме душевной – совершенство природы, доступное русскому человеку; обетование, данное ему Богом, который словно бы говорит этим: вот вам образец человека: будьте такими, как Саютин Петр Данилович; сильными, бескорыстными, физически здоровыми, будьте друг с другом простыми в обращении, помогайте друг другу, если случится беда с вами – не имейте зла друг на друга, не гадыте и не пакостите друг другу. Живите дружно, защищайте друг друга, не бросайте своего в беде, не таите зла. Если большее вам не доступно, не падайте ниже. Такова и была, примерно, физически «литая» и мощная фигура Петра Даниловича Саютина, слившегося с данной от Бога природой воедино, так, что казалось природа, понимала его – он понимал природу.

Бог дал ему всё: силу, здоровье, любовь к жизни, любовь к людям, уважение к себе, и соседу. Работал он, как вол не зная усталости и отдыха. Если уставала лошадь, завязнув и не осилив крутой подъём, выпрягал, становился сам, брал оглобли и вытягивал тяжело нагруженную телегу на равное и твёрдое место дороги. Не спеша запрягал свою кобылу, ласково говорил ей: «Ну, отдохнула, родимая, а теперь давай потихоньку, помаленьку». Всё у него ладилось, работа кипела в его огромных загрубелых руках. Подрастал сын Ёшка, такой же широкий, просторный в плечах, светловолосый с кудрявинкой; молчун. За весь день слова единого не вымолвит: только синь-глаза говорят за него, ясно и весело любуясь, окружающим миром. Рос Ёшка и привыкал с возрастом к жизни крестьянской тяжёлой, необходимой. Радовалась мать, потихоньку от всех любуясь сыном, удивляясь быстрому его росту, сообразительности, и не детской силе.

Крестя Ёшку, туголуковский батюшка удивленно рассматривая необычно крупного ребёнка, сказал: «Радуйтесь, хорошего сына даровал вам Господь! Благодарите Христа, а чадо берегите, чувствую, не простой раб сей Божий». Широко от всей души перекрестил всю семью Саютиных: «Дай вам Бог здоровья и силы, работайте не ленитесь, ибо труд – это ваша любовь ко Господу; труд и есть благость. Приучайте сына к работе с измальства, к вере, к уважению старших и почитанию родителей. Храни вас Бог!»

С возрастом втягивался в трудную крестьянскую жизнь Ёшка. Много перенял от отца сын. «Бог сотворил Землю и все живое на ней. Бог дал пищу и кров людям. Люби Божье творение, какое оно есть, и не ропщи...» – постоянно поучал отец сына.

Креп и наливался силою Ёшка, дивя отца ловкостью и быстротою сообразительности.

Не единожды замечал отец, возвращаясь из церкви, как сын зыркает взглядом на соседскую Тоньку, бойкую на язык, а, главное, красавицу-девку. Понял отец, но решил подождать, на всякий случай, что дальше будет?

Убрали урожай, подоспели свадьбы, зашумело все село. В одном конце: шум, гам, гармонь наяривает, песни пляски – свадьба! Тоже на другом конце, или сразу на одной улице две свадьбы. Женилась молодежь, рожали детей, продолжая род крестьянский, умножая могущество России. Во время церковных празднеств народ гулял почти, как на свадьбах, однако всё же с известной степенностью...

Вот только Ёшка ходил смурнее грозовой тучи и совестно отворачивал глаза от отца. Полюбилась Ёшке соседская Танюшка, да и она к нему тоже тянется. «Так в чем же дело?» – широко развел грабастые руки отец, улыбаясь. Недолго собирались. Всего вдоволь, всего припасено с лихвой, целую улицу пригласить можно. С соседом Мухородовым Яковом Ивановичем быстро сговорились – благо одни девки и ни одного сына у мужика. Вот ведь судьбина не уважила – не жизнь, а разор в хозяйстве, когда одни девки и ни одного парня. Правда девки у Мухородова золото, а не девки, всему научены и не лодыри: что стряпать, что сшить рубаху, что в поле – иному мужику не уступят. Лени в нашем селе, раньше боялись пуще самой страшной болезни. Особливо этот грех водился за молодыми незамужними девушками. Мухородов вёл хозяйство с прохладцем и если бы не жена, цепом сгонявшая его с печи, и такое бывало, они бы, пожалуй, обнищали.

Тёмная лицом и волосом, но цепкая и злющая на работу, некрасивая жена Мухородова, крепко держала в руках мужа и дочек. Дочки получились на славу – красивые в отца, и работающие в мать.

Свадьба раньше, в былые времена, продолжалась от трёх до пяти дней; три дня у жениха, остальное у невесты со всевозможными обрядами, шутками, переодеваниями в скоморохов. Обязательно присутствовала вся родня, как со стороны жениха, так и со стороны невесты, включая и дальних родственников.

Столы ломились от яств. Чего здесь только не было: холодные и горячие закуски, одних мясных блюд с десятков, начиная от свинины, говядины, кончая домашней птицей; овощи, фрукты, солёности разные, напитки; домашних вин сортов пять-шесть, самогон хлебный, бражка, водка. Ешь, пей, сколько душеньке твоей угодно. Не отказывали и обездоленным: ставили отдельный стол для них, подавали наваристые, жирные щи, мясо, жареную и пареную картошку; и выпить хмельного, если пожелаешь за здоровье молодых. На протяжении всей свадьбы стол и хмельное было доступно всем приходившим, приезжавшим и проезжавшим. Человек, знающий себе цену, никогда не злоупотреблял гостеприимством и щедростью хозяина – на свадьбу без подарка не ходил.

После сбора урожая гульба в селе длилась почти всю зиму, но допьяна ни-ни. Церковные праздники встречали скромнее: на столе поесть было что твоей душеньке угодно, но хмельного в аккурат... Много – упаси Боже – пьяницей сочтут! А то было большим грехом и позором. Не перекрестив лба за стол не садились. Старшие обретали степенность и солидность, молодежь скромность и вежливость.

II

После свадьбы аккуратно и тихо зажил с молодой женой Ёшка.

Убирая скотину во дворе, или ещё делая какую работу, бросит вдруг всё, зайдёт пахнувший морозом и зимней свежестью, посмотрит на любимую, как бы убеждаясь: счастье его вместе с мамкой – здесь в избе мирно хлопочет или у ткацкого станка, или за вышиванием тихо трудится. У Ёшки сердце от счастья забьётся, синь-глаза нежным сполохом играют глядячи на любимую.

– И, что ты избу студишь? – нарочито серьёзно, опуская скромно глаза, отлично всё понимая, рдеясь от счастья, спросит любимая. В душе у Ёшки заиграет всё: «Вот она – радость! Как хорошо жить и любить!» – думает он, и нет никого счастливее на свете Ёшки. И становится вдруг вокруг всё роднее и ближе: дом и двор, и люди, и небо забитое густо облаками. Светло благодарит человек Бога за всё то, что дал Он ему.

Крепче чем до свадьбы полюбил Ёшка красавицу Тоньку. Щebetунья, говорливая, как горлица, а ныне Татьяна Яковлевна, вошла в кровь и в душу... Знал Ёшка – случись, не приведи Бог, чего... Жизни не пожалеет... Отдаст себя полностью, без остатка, до капельки. А ведь без воли Божией – что совершается на земле? «Без Бога не до порога!» – говорили у нас раньше.

И впрямь, ещё набожнее стал Ёшка...

III

Бог дал, или от отца, или прадеда перешло, но перестал совершенно бояться морозов Ёшка. В одной рубахе и штанах на босу ногу ходил в самые жестокие морозы. Первое время у себя по двору, стыдясь людей, убирал скотину в хозяйстве, отбрасывал снег от избы, возил навоз из-под живности на огород, на пахоту...

Дошло до батюшки чудо, произошедшее с мирянином, долго беседовал священник с Ёшкой и рекомендовал в церковь приходить чаще.

Со слезой в глазах молился Ёшка, стоя на коленях, усердно кладя поклоны, считая уверенно, что Бог даровал ему чудесную силу. Что-то случилось у него внутри, в душе...

Сельчане, видя столь необыкновенные явления, постепенно убедились в простоте и блаженной невинности Ёшки, а батюшка местной церкви (тогда еще деревянной) всенародно нацепил на шею Ёшки крест большой, особой святости.

Люди после сего, встречаясь с Ёшкой, снимали шапки и крестились, приветствуя, как самого батюшку. Не возгордился Ёшка, но, как и прежде, был скромнен и почтителен к старшим, вежлив к простым людям. Особое внимание проявлял к убогим и нищим, всегда одаривая их съестным или оставляя переночевать.

Приветливый по натуре, честный и трудолюбивый, видя немощь и хворь людскую, стремился Ёшка помочь молитвою страждущим. И порой совершалось чудо и больной выздоравливал, веруя в истинного Бога и в блаженный дар Ёшки...

IV

Слава Ёшки росла. Его благое врачевание стало неотъемлемой частью жизни села. Его стали приглашать в дома. Каждый сельчанин стремился получить напутственное благословение.

Шло время. Рос и мужал Ёшка. Уже не один монолитный крест носил на шее подвижник: две губернии и её округи знали о чудодейственной силе Ёшки и шли к нему немощные, увечные, больные, надеясь получить исцеление...

И вдруг, как гром с ясного неба грянула страшной силы болезнь, названная людьми «чёрная смерть». Возникшая из ниоткуда косила людей яростно, с дьявольской силой и жадностью, убивала не щадя, ни стариков ни детей, ни сильных ни слабых. Три-четыре гроба выносила каждая семья из избы, лишаясь: сын отца, отец любимых детей, сёстры братьев. Ёшку тоже не обошла беда: отец, мать, а за ними любимая...

Опустела изба, мрачно на душе у Ёшки: не слышно больше голоса любимой щебетуны; нет степенного, сильного, уверенного в себе и своей силе отца; нет заботливой и нежной матери. Пусто и страшно стало в доме. Чудится ему: стоит любимая за дверью и манит его за собой. Идет за ней Ёшка через двор, сад, в степь, к кладбищу.

Много раз видели Ёшку на погосте.

А ещё страшнее рассказывал сосед, видевший Ёшку на разросшемся после «чёрной смерти» кладбище, когда поздно за полночь искал там отбившуюся корову. «Стон слышался мне, – рассказывал сосед Саютиных, – загробный, придушенный, и такая тоска в нём, в этомestone, что у меня по телу мороз мурашками прошёлся».

Неробкого десятка был Игнат, а от услышанного присел со страху, осеняя себя крестным знаменем. Однако собрался с духом и, как когда-то в армии, в солдатах, крадучись, прячась за кустарником и бурьяном, подполз к тому месту, откуда стон доносился. Луна светила ярко, было хорошо видно. Рассказывал Игнат так: «Подполз, смотрю и вновь меня страх взял от увиденного и услышанного. Волос от страха у меня на голове зашевелился. Лежит Ёшка на могильном холмике, обняв его и каким-то страшным тоскующим голосом, просящим, придушенным голосом молит Бога, чтобы разверзлась земля и пропустила его, Ёшку, к любимой...»

Долго лежал Игнат, не шевелясь от страха неведомого досель; не мог подняться или шевельнуть рукой, как будто какая-то сила неведомая и страшная прижала его к земле! Даже дышать трудно стало.

Медленно поднялся Ёшка с холмика, со страшным стоном воздел руки к ночному небу – нездоровым, страшным блеском горели глаза его. Тёмные круги вокруг глаз резко выделялись при лунном свете. Страшное лицо исказилось, приоткрылся заросший бородой рот, блеснув оскалом зубов. Хриплое, непонятное, но как почувствовал сосед, сердитое что-то вырвалось из груди Ёшки. Сжав кулаки, долго потрясал он ими над землёю. Потом медленно опустил руки, повернулся, тихо с поникшей покорно головой, как-то вдруг весь, уменьшившись ростом, опустив безнадежно плечи, всхлипывая, словно малое дитя, медленно пошел в сторону села.

Замерев от всего увиденного, долго лежал Игнат, а когда прошли испуг, когтистая оцепенелость и страх, приподнялся и встал на колени. Трижды осенил себя крестным знаменем.

Забыв про корову, трусцой, побежал домой, постоянно оглядываясь назад, на кладбище, словно бы кто с горящими могильными глазами, грозил ему костлявым кулаком оттуда.

Жена, ожидавшая мужа, с удивлением и испугом в глазах, уставившись на Игната, пробормотала, что корова возвратилась...

– Что с тобой, Игнаша, на тебе лица нет? Весь, как мел, бледный и белый, аж синевой отдает... Али что случилось? – переходя на шёпот и медленно садясь на лавку пробормотала жена. Игнат поманил жену в сени, чтобы от их разговора не проснулись дети, и поведал ей обо

всём увиденном и услышанном на кладбище. «Досель ноги трясутся, – продолжал Игнат. – Ты пока никому не говори. Думаю, он умом тронулся, не иначе. Вот беда-то! Прости, Господи!» – бормотал Игнат, осеняя себя крестным знамением...

С той поры меньше стал Ёшка работать, плохо стал следить за хозяйством, а вскоре и совсем перестал ходить за живностью. Сюда под осень, обошёл ближние дворы соседей: наказывал в каждой избе, чтобы забрали хозяйскую живность, а то ведь «похарчится» животное. «А из меня таперчи плохой хозяин. Хлеба и кружку квасу мне в любой избе дадут, а боля мне не надо...» – так рассказал он о своём решении.

До зимы Ёшка не выходил и не показывался на улице. Даже в церковь перестал ходить. Тревожный слухок пополз по селу – бояться стали ходить к Ёшке за помощью...

Когда хорошо и надёжно зима утвердилась на земле, ветхая старушка, жившая на окраине села, видела как Ёшка в холщёвой рубахе и таких же штанах, с перемётной сумкой побиршечей через плечо, босой, с палкой в руках, топтал снег, держа путь в открытую степь...

Перекрестив спину удалявшегося Ёшки, ветхая старушка до утра, стоя на коленях перед образами молилась, шепча имя Саютиных – семьи некогда счастливой и дружной; порушенной в короткий срок, как дерево перебитое молнией в страшную грозу.

Долго неслышно было о Ёшке. Всю зиму люди говорили о нём, вспоминая доброту его и набожность.

Много прошло времени: может пять, а может и десять лет. Изредка привезёт новость о Ёшке какой-нибудь крестьянин, побывавший на ярмарке в Воронеже-городе, или в Орле, или ещё в каком поселении. Будто видел тот Ёшку на ярмарке, босым, в одной рубахе и штанах холщёвых, с сумкой и палкой. «Долго беседовали мы с ним: про жизнь, про всё помаленьку. Говорил, вскорости возвратится домой. Про дом свой спрашивал: „Цел, мол, дом мой?“ А кудашь ему деться? Стоить, – говорю. – Никто пальцем ничего там не тронул. Помним, мол, благодать твою... В земли израилевы ходил, во святые пределы. Вот какие дела!» – закончит повествование крестьянин.

Дом же Ёшки ждал своего хозяина...

Пустыми глазницами смотрит дом на улицу, и боязно становится в сумерках или ночью проходя мимо. Вдруг покажется тебе, что кто-то смотрит из пустого дома в окошко на тебя недобро, осуждающе... Крестьяне женщины, шепча молитвы, молодые парни ускоряют шаг; стар и млад проходя мимо, косятся боязливо на пустующие глазницы – окна дома... Плохо, когда на твоей улице есть такой дом. Только кот по ночам мышей гонял в нём – преданно и честно неся службу свою. Но, со временем сгинул и кот... Даже бродячая собака и та стремилась побыстрее пробежать мимо пустующего, покинутого очага...

V

Летело незаметно время, год за годом, десятилетие за десятилетием. Ёшка вернувшись, жил в селе. Скорби сильно изменили его: он стал суше лицом, сухошавее, неторопливее в ходьбе, больше молчал, слушая сельчан, смиренно и покорно опустил глаза свои. Дважды покидал он село, отправляясь странствовать по округе и далее, за её пределы. Оброс тёмно-русой, окладистой, пышной бородой до пояса; схоронил всех своих бывших одногодков и сам, вроде, стареньким стал. Но ещё был крепок, и как прежде силен физически – казалось, не берёт его время.

Присутствовавшего на похоронах скоропостижно скончавшегося священника, необыкновенного вида мирянина, новый батюшка села Туголуково, человек средних лет, быстро приметил, и, когда ближе сошёлся с Ёшкой, то увидел в нём не только преданного Христу человека, но и надёжного помощника. Он уговорил Ёшку петь в церковном хоре. (Прежде хору мало уделяли внимания, но при новом протоиерее положение с певчими резко изменилось к лучшему). Ёшка оказался отличным исполнителем песнопений. У него объявился на редкость даровитый голос. А когда он читал псалмы, испытанный скорбями голос его трогал прихожан до глубины души. И не было ни одного доброго христианина в храме, который бы в этот час не вспомнил о своих пред Господом прегрешениях.

Избёнка Ёшкина, построенная ещё дедом, без присмотра и ухода, почти полностью развалилась. Что было годным в хозяйстве, Ёшка разрешил брать, а сам, скитаясь по селу, всегда был с уважением и радостью принимаем любым сельчанином, в любом доме на ночлег и жительство.

Ёшка не просто жил тунеядцем на постое, а с усердием и охотой помогал неимущим в хозяйстве, не беря за работу ни гроша. В пище был прост и скромн, соблюдал посты. Не будучи выучен грамоте, Ёшка сердцем находил правильное толкование Библии, зная почти половину Писания наизусть. Единственное, что омрачало Ёшку – незаметно для самого себя привязался к нему грех винопития. На людях и на свадьбах, куда его часто приглашали сказать напутственное слово, ни-ни, а забудёт его лукавый куда-нибудь, где глаз человеческий не достанет и наливает до краёв. Очнётся погода с ущемлённым сердцем и закручинится... А причина была проста: не мог он забыть свою щебетунью Танюшку: часто снилась она ему, и в такие дни он ходил не находя себе места. Становился, как одурманенный, ненормальный, отчего его потихоньку стали сторониться, хотя и относились к нему в такие минуты с ещё большим уважением и почтением. Не выдержав тоски, уходил Ёшка от людей в степи бескрайние один, и там, воздев руки в небо, молился долго и неистово, умоляя Господа взять его от земли. Или уходил в новое скитание, перекинув через плечо неизменную суму, для подаяний.

Последний раз не было Ёшки в селе лет пять. Сюда к морозу, когда земля матушка покрылась густо и пышно снегом, возвратился Ёшка, грязный, как и раньше, до черноты, но весёлый, рассказывая о новом хождении в Святую Землю. Принёс кресты с Гроба Господня. Одаривал ими соседей и новых друзей, но одаривал не всякого. Батюшке подарил святой крест особо.

Пожив зиму у бедняка, однажды с сельчанами отправился на ярмарку. Разумеется, те на подводах, а Ёшка пеше, но не он отставал от подвод, а подводы отставали от Ёшки.

К его удивлению, на ярмарке все жители окрестных сёл и деревень узнали блаженного и каждый предлагал что-то своё ему в подарок за его молитвы, за его бескорыстие, а некоторые за помощь, оказанную в былые бедственные дни. Три соседские подводы нагрузил Ёшка дарами людскими. Чего там только не было: дёжки, кадушки, холсты, горшки, дуги, хомуты, валенки. Одним словом всё то, что производит народ сельский и деревенский на продажу, везя свои изделия на ярмарку. Приведя подводы в село, Ёшка раздал дары малоимущим, не взяв с них ни копейки.

Многие приходы знали Ёшку, и настоятели их дарили ему, как благому, бескорыстному мирянину кресты от своих церквей. Множество крестов висело на мощной ещё груди. Бывало иногда Ёшка, снимал со своей шеи маленький нательный крестик и вешал на грудь, понравившегося ему и отличавшегося трудолюбием, набожностью, честностью, смирением, крестьянина. То было проявление высочайшего внимания блаженного к сельчанину, и этим благословением дорожили.

Большие, дареные приходами кресты, он никому, никогда не дарил и с шеи не снимал. Разумеется, со своей груди, не каждому давал крест старец. Посмотрит внимательно, изучающе на крестьянина, своими здоровущими глазами, как бы прикидывая – честный ты человек, добрый, бесхитростный, простой жизни? Если «да», то торжественно снимет через голову нательный крестик, поцелует и наденет на достойного. «Носи, не криви душой. Сам беден? Тотто! Помогай бедным, не забывай Бога, люби и бойся Владыку живота твоего. Живи правдой! Хоть и тяжко – терпи» – Так напутствовал Ёшка.

За большое счастье считалось в селе, если Ёшка кому-то оказывал честь переночевать и отужинать в ином подворье за семейным столом, в кругу домашних. Часто видели его сельчане и летом и зимой бродившем ночами по спящему селу или далеко ушедшим в степи...

Дивились его бесстрашию. Особенно зимой, когда крупная стая голодных волков бродила, рыская, со впалыми от голода животами, в поисках добычи. Диво! Ни одна самая злющая собака в степи никогда не гавкнет на странного скитальца. Голодная стая хищников сходила с тропы, когда шёл Ёшка.

Бродил он и ходил где придётся в степи и селе. Иногда подолгу стоял на коленях, на церковной паперти, ночью; воздев руки к небу, шепча молитвы. Случайно увидевшие его крестились; провожали взглядом долго и сочувственно; умолкали, задумывались о Том, в котором была вся жизнь этого блаженного, уже стареющего христианина.

Что побудило Ёшку, что стало причиной...? Кто мог подсказать ему, но однажды заговорил Ёшка о постройке новой церкви: каменной, просторной и красивой: «Такое богатое село, а церковь деревянная, ещё прапрадедами нашими строенная. Ветшать стала, и тесно в ней, когда Великие Праздники». И пошёл блаженный ходатай по дворам сельским и все ему слово дали, что поможем всем: и средствами, и рабочей силой, потому как дело стоящее и святое. И решили на сходе – быть каменной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.